

Николай Ложников

СВОБОДНАЯ КАССА!

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л71

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Оформление обложки и иллюстрации: *Юлия Межова*

Ложников, Николай
Л71 Свободная касса! / Николай Ложников.— Москва: Издательство АСТ, 2017.— 284, [2] с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-105228-7

«Хочешь поработать на самого крупного в мире монстра индустрии фастфуда?

Знай, кровь в твоих венах превратится в кетчуп, а в отношениях с любимым человеком третьим всегда будет КОМПАНИЯ» — такие слова мог бы сказать герой этого романа, очень похожего на антиутопию, но являющегося лишь слегка домысленным рассказом о буднях — и праздниках! — одной из крупнейших транснациональных корпораций в индустрии быстрого питания.

© Николай Ложников, текст, 2017
© Юлия Межова, иллюстрации, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Все события и персонажи вымышлены,
все совпадения случайны

Типа пролог

Когда душным июльским днём я заходил в «Шоколадницу» на Тверской, настроение у меня было хреновое. Причин тому было три: во-первых, я уже полгода безуспешно искал работу, во-вторых, было ужасно жарко, а в-третьих, данная конкретная встреча с рекрутером не обещала ничего выдающегося. Где вы, господа, видели в наше время в Москве хорошего рекрутера (или, как они сами себя гордо называют, «хедхантера»), который назначает вам встречу не в офисе, а за столиком кафешки? Сомнения мои выросли из мухи в огромного грустного слона, когда из-за стола навстречу мне поднялась толстая, неряшливого вида, грязноволосая тётенька в очках с роговой советской оправой.

— Ирина Булатова,— представилась мадам и плотоядно покосилась на принесённый официанткой десерт, жирность которого, судя по внешнему виду, приближалась к ста процентам.

— Очень приятно. Алексей Литвинов.

А потом произошло совершенно невероятное: за сорок минут нашей беседы я убедился в том, что профессионала такого класса среди её коллег я ещё не встречал. Притом, что с рекрутерскими фирмами доводилось общаться немало. Она рассказывала о себе, о ситуации на рынке, о компаниях, в которых я когда-то трудился. Причём, понятное дело, очень скоро выяснилось, что у нас с ней энное количество общих знакомых.

— Видите ли, Алексей,— корпоративно заулыбалась Булатова.— Почитав ваше резюме и наведя кое-какие справки, я поняла, что вы стоите хороших денег. И что у нас с вами наверняка что-нибудь получится.— При этих словах я засомневался, какое именно агентство она представляет, рекрутинговое или брачное, но все равно стало приятно...

— У меня есть пара позиций, о которых мы с вами можем подумать. Ну, вот, например, Supply Chain Director в компанию «Макроналдс».

— Слушайте, ну это ж несерьёзно! — Явдруг опять увидел перед собой не крепкого профессионала, а

толстую тётку.— Я не занимался закупками последние восемь лет, да и к тому же ранее трудился всего лишь скромным менеджером по закупкам оборудования, а вы, я так понимаю, говорите о булках, котлетках и о любимых моей женой молочных коктейлях...

— Да, в общем-то вы правы.— Булатова оценивающе оглядела меня как залежалый, но потенциально все ещё интересный паре покупателей товар.— Но, как говорится, чем чёрт не шутит.. Попробовать, мне кажется, можно.

— И какие же у них требования к кандидату?

— Ну, прежде всего, чтоб человек был хороший.— Она вопросительно взглянула на меня, и я как-то инстинктивно подтянулся, показывая всем своим вспотевшим и уставшим существом, что в общем-то человек я неплохой.

— Их директор по закупкам в Восточной Европе, Виталий Шнайдер, высказался в том духе, что ему нужен адекватный человек с опытом в закупках. Причём, чтобы закупал миллионов на двести долларов в год.

Мой закупочный бюджет составлял в наиболее затратный год тридцать пять миллионов.

— Но я-то закупал на сто миллионов в год.— Моей наглости хватило всего на лишние шестьдесят пять лямов.

— Окей. Где сто, там и двести,— резюмировала Булатова, и я понял, что у нас с ней есть что-то общее.

— Да и потом, если честно, я как-то не думал о закупках, ведь последние восемь лет я занимался исключительно продажами,— продолжал рефлексировать я.

— Ну, так подумайте,— по-матерински улыбнувшись, отрезала моя собеседница.

Мы расстались, договорившись, что она представит моё резюме в «Макроналдс» и перезвонит на следующей неделе. На выходе из «Шоколадницы» меня встретила Москва, уже чуть менее душная и чуть более похожая на светлый, радостный город моего детства.

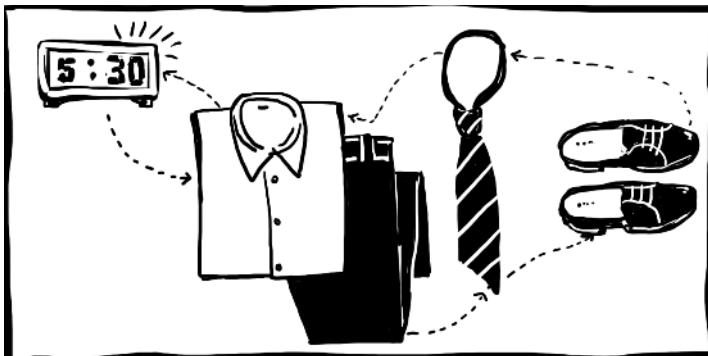
Вечером, когда после пятой выпитой мною рюмки армянского коньяка жена наконец не выдержала и спросила о причине моей загадочной улыбки и особой нежности, я-таки раскололся насчет своей новой, пусть ещё туманной, но весьма заманчивой перспективы. Благо, с воображением у меня всё в порядке. А ведь и в самом деле прикольно. Что я, собственно, знало «Макроналдсе»? Помню, как двадцать лет назад, в лохматом девяностом году стоял вместе со своими такими же голодными корешами-студентами в очереди в первый московский «Макроналдс». Ощущеньице, мягко говоря, незабываемое. Вы помните немытую и нечесаную Москву девяностого

года? Я уже почти не помню. Но зато я потрясающе чётко помню тот культурный шок, который испытал, отстояв эту очередь и переступив порог ресторана «Макроналдс». Это был другой мир. Сверкающий сотнями лампочек и сияющий начищенным алюминием, белеющий своими вылизанными сортирами и обескураживающий улыбками персонала. И пусть народ в очереди ехидничал, что в Америке в этот ресторан ходят исключительно негры. И пусть в Москве «Макроналдс» открылся на месте любимого мною в послеармейские годы кафе «Муза». Главное, что у нас теперь появилась возможность прикоснуться к тому светлому, доброму, вечному, что было не доступно великому советскому народу последние семьдесят лет. Да, вот теперь, блин, заживём...

С тех пор утекло немало кока-колы и коньяка, изменилась как сама жизнь, так и мои взгляды на неё, но остался какой-то пубертатный трепет перед посланцами другого мира. Ещё помню, как, работая в универе в Бельгии, я приехал в девяносто четвертом со своим профессором на симпозиум молекулярных биологов в Швейцарию. И вечером, на вопрос шефа, где бы я хотел поужинать, радостно заявил, что, мол, конечно, в «Макроналдсе». И пожилой бельгиец одарил меня тогда грустной снисходительной улыбкой.

Но ведь сейчас не девяностые.

Глава первая ИСКУССТВЕННЫЙ ОТБОР

На момент описываемых событий на нашем, тогда ещё тихом и зелёном дворике стоял во всей своей красе прагматичный 2009-й год. За плечами у меня уже было пятнадцать лет работы в крупных западных компаниях, в которых я трудился, извините за скромность, не на последних должностях. А также последние шесть месяцев, которые я сидел без работы после того, как мой последний работодатель испытал все прелести кризиса в общеевропейских масштабах. В общем, коньяк у меня к тому моменту был на исходе, как и бодро хрустящие заграничные дензнаки. А в детской рыдал навзрыд мой шестимесячный сын...

Булатова перезвонила через три дня. Бодро заявила, что резюме моё товарищей заинтересовало, и господин Шнайдер жаждет меня отлицезреть на следующей неделе.

— Кстати, немного информации по Виталию Шнайдеру.— Она перешла на кэгэбэшный полужёпот, и мне пришлось вдавить в ухо трубку мобилы.— Ему тридцать пять лет, жена на семь лет старше, а ее сыну от первого брака — девятнадцать. Да, кстати, он очень умный и грамотный профессионал.

Из деликатности я не стал уточнять, кого именно она имела в виду: Шнайдера или его пасынка...

И вот, приняв с утрачка ударную смесь из таблетки новопассита и кружки крепкого кофе, я выдвигаюсь навстречу своему будущему. На мне слегка потёртый, но всё ещё элегантный костюмчик от Ermenegildo Zegna и немного залоснившийся в области узла галстук от Canali. Ах, эти остатки былой роскоши! Они обязывают своего носителя покруче любого положения!

Центральный офис корпорации «Макроналдс» находился в здании одного из ресторанов компании, а точнее, в трех этажах над ним. Здание это, обёрнутое в рекламные щиты, напомнило мне огромный серый чемодан, со всех сторон обклеенный заморскими этикетками.

Виталий Шнайдер оказался высоким лысеющим чуваком в очках и довольно приличном костюме. Во время разговора он манерно жестикулировал и смотрел на собеседника умными, но бесцветными глазами поверх очков. По-видимому, передние зубы на его верхней челюсти были слегка сдвинуты назад, отчего верхняя губа как будто жила своей жизнью и выражала то ли повышенную чувственность своего хозяина, то ли его глубочайшее презрение к окружающим. Одним словом, поволжско-немецкая внешность в сочетании с повадками лубянского следователя тридцатых годов.

— Присаживайтесь,— хлебосольно сказал Виталий, чем несколько меня приободрил, всё-таки «садитесь» в его устах звучало бы весьма двусмысленно.

— Я прочитал ваше резюме. Выглядит впечатляюще, но хотелось бы услышать, так сказать, первоисточник.

Интервью наше (хотя так и хочется сказать «допрос») продолжалось часа два. По ходу действия всплывали такие тонкости моей биографии, которые мне самому уже рисовались крайне смутно.

— Вы, Алексей, кажется, недавно стали кандидатом экономических наук. А зачем вам это нужно? В наше время, насколько я понимаю, это

не самая актуальная степень. Прямо скажем, не МВА.

— Если честно, я просто очень хотел этого ещё с университетских времен, да и родители порадовались, они у меня тоже оба кандидаты...

— Значит, стремление к первоначально поставленной цели плюс наличие комплексной мотивации,— уважительно хихикнул Виталий.

А я про себя отметил, что если у твоего шефа есть хоть какое-то чувство юмора — это уже само по себе недурно.

— Ну, окей, теперь я немножко расскажу о себе.— Виталий положил ногу на ногу и вальяжно уронил на стол ручку Montblanc.— Родился я на Урале, затем умудрился поступить в МГИМО, который благополучно окончил в девяносто пятом. Потом работал в одной немецкой конторе, пёк булочки. Сначала был закупщиком, потом гендиректором. Основным клиентом у меня был «Макроналдс». Ну, и на каком-то этапе корпорация предложила мне поучаствовать в становлении системы закупок молодого уральского филиала. Затем через несколько лет меня пригласили возглавить отдел закупок России, а чуть позже и всего восточно-европейского дивизиона.

— А восточно-европейский дивизион — это страны бывшего соцлагеря? — наивно спросил я, поти-

хоньку проникаясь уважением к компании, которая ничтоже сумняшеся поделила старушку-Европу по геополитическому принципу.

— В состав восточно-европейского дивизиона входят одиннадцать стран,— снисходительно поиграл верхней губой мой потенциальный шеф,— большая часть СНГ плюс Болгария, Румыния и Прибалтика.

— Немаленькая у вас, однако, зона ответственности,— подлил я маслица на мельницу его самолюбия.

— Да, работы хватает,— скромно заулыбался Шнайдер, заглотивший наживку моей грубой лести.

— А где базируется начальник восточного дивизиона?

— Президент сидит в Москве, в этом самом офисе. Хотя, как вы понимаете, ему приходится много ездить. Кстати, он очень неординарная личность. Рустам — лезгин по национальности со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами.— На последнем слове Виталий посмотрел на меня почти интимно.

Мы расстались, широко и неестественно улыбаясь, а также крепко отжав друг другу руки, как и положено в международных корпорациях. Что стояло

за его улыбкой, кроме привычки и корпоративных стандартов, было абсолютно неясно. А потому я принялся названивать Булатовой сразу же по приезде домой.

— Думаю, все в порядке,— сухо заявила Булатова, выслушав мой несколько сбивчивый и слишком детальный отчет о прошедшей встрече.— Я перезвоню вам сразу же, как только дозвонюсь до Шнайдера.

Дозванивалась до него эта милая девушка ровно два дня. А когда-таки перезвонила, сходу выпалила, что впечатление я произвёл положительное, хотя и было отмечено, что закупочного опыта у меня действительно маловато.

— Но это не страшно,— выдала мне пачку виртуальных индульгенций Булатова.— Да, чуть не забыла, нам очень повезло, шеф Шнайдера, вице-президент по финансам, Джим Эдвардс в эти дни в Москве, и ваша встреча с ним назначена на послезавтра. Я его совсем не знаю, но могу предположить, что основной целью Джима будет понять, насколько вы соответствуете корпоративной культуре компании.

Я так и знал! Опять эта пресловутая корпоративная культура! Это как кодекс строителя коммунизма или философский камень. Все, в принципе,